

Анна Каонаси

Одержимые

Когда страсть невозможно
контролировать...

18+

Анна Каонаси

Одержимые

«Автор»

2026

Каонаси А.

Одержимые / А. Каонаси — «Автор», 2026

Что такое Одержимость? Мэри как никто другой вам ответит на этот вопрос со всеми подробностями: это когда ты больше не принадлежишь себе, это когда ты всецело готова отдаться Ему. Что такое Предательство? Алиса ответит вам, что это самое страшное, что случилось с ней за двадцать один год. Ее предал любимый и подруга. Даниэль - боксер. Он всегда бьет первым. Он привык к рингу, к софитам, но когда перед ним встает выбор между Алисой и Мэри, он теряется всего на одну секунду, и тут же падает от сокрушительно нокаута. Кто выйдет победителем в этом любовном треугольнике и можно ли вообще из него выйти?

© Каонаси А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Банка с надписью «Свобода»	5
Глава 2. Ключи от чужой двери	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Каонаси

Одержимые

Глава 1. Банка с надписью «Свобода»

Меня зовут Алиса, мне двадцать один год, и у меня есть банка из-под огурцов. На вид обычная, трёхлитровая, с жестяной крышкой, которая противно скрипит, когда её открываешь. На боку банки маркером выведено одно слово: «Свобода».

Внутри лежат деньги. Мятые сотни, аккуратные пятисотки и одна пяти тысячная. Её мне подарила бабушка на день рождения и шепнула: «Только родителям не говори». Бабушка у меня мудрая женщина. Она прожила с моим дедом сорок лет и знает о строгости всё.

Банка стоит в шкафу, за зимними свитерами. Свитера я не ношу с девятого класса, но мама думает, что ношу. Мама вообще много чего обо мне думает, и почти всё это неправда.

Но давайте по порядку.

Я живу в Москве, в спальном районе, где все дома похожи друг на друга, как солдаты на построении. Это очень подходит моему папе. Папа у меня полковник в отставке. Из армии он ушёл, а вот армия из него, кажется, не уйдёт никогда. Подъём у нас в семь ноль-ноль, даже в субботу. Завтрак в семь тридцать. Комендантский час в двадцать два ноль-ноль, и это не шутка. Если в двадцать два ноль я ещё не дома, папа стоит в прихожей со скрещёнными на груди руками и смотрит на часы. Он смотрит на них так выразительно, что часы, по-моему, сами начинают чувствовать себя виноватыми.

Мама — преподаватель математики. Она любит порядок, таблицы и слово «перспективы». В нашей семье его произносят так часто, что в детстве я думала, будто это имя дальней родственницы.

«Подумай о перспективах». «Танцы — это не перспективы». «С такими перспективами ты останешься ни с чем». и прочее «бла-бла-бла».

Поэтому я учусь на экономическом. Третий курс, финансы и кредит. Звучит солидно, правда? Успокойтесь, я тут не по своей воле.

Мама рассказывает подругам об этом с такой гордостью, будто я уже возглавляю Центробанк. А я сижу на парах по экономике, смотрю в окно и мысленно ставлю связку из восьми счетов.

Потому что на самом деле я танцую. Да-да, именно.

Сколько себя помню, я танцевала всегда. В три года под заставку «Спокойной ночи, малыши». В семь в кружке при Доме культуры, куда меня отдали «для осанки». В четырнадцать меня оттуда забрали, потому что «пора заняться учёбой». Тогда я начала танцевать в своей комнате, ночью, без музыки, считая ритм про себя, чтобы никого не разбудить. Попробуйте как-нибудь сделать пируэт в комнате девять квадратных метров, где стоят шкаф, стол и кровать. Это развивает точность. И смирение. Мизинцы на ногах у меня закалены, как у спецназовца. Папа, если бы присмотрелся, был бы от меня в восторге и отправил бы в морской флот.

Сейчас я танцую в студии на Курской: современная хореография и немного джаз-фанка. Родители считают, что по вторникам и четвергам у меня дополнительные занятия по английскому. Мой английский от этого, кстати, не пострадал. Наш хореограф Влад ругается исключительно на английском, так что я свободно знаю все слова, которых нет в учебниках.

А по субботам я веду танцы у малышей в детском центре. Им по пять-шесть лет, они путают право и лево, зато обнимаются после каждого занятия. Платят там немного, но всё до копейки уходит в банку «Свобода».

План у меня простой и, как сказала бы мама, перспективный. Накопить на первые три месяца аренды, залог и комиссию. Снять маленькую квартиру, пусть даже студию где-нибудь на окраине, с кухней размером с почтовую марку. Поставить там зеркало во всю стену. Включить музыку на полную громкость в одиннадцать вечера просто потому, что можно. Прийти домой в двадцать два ноль одна. Или в двадцать три. Или вообще не прийти, а остаться ночевать у подруги, и никто не будет звонить ей с допросом в духе гестапо.

По моим подсчётам (экономический всё-таки пригодился), до свободы мне оставалось четыре месяца и семнадцать дней.

Теперь о Мэри.

Вообще-то она Маша. Мария Сергеевна Белоусова, если полностью. Но с восьмого класса, когда она посмотрела «Дневники вампира» и решила, что Маша звучит «как бабушка в платочке», все зовут её Мэри. Даже учителя. Даже её собственная мама, хотя та делает это с таким лицом, будто ест лимон.

Мы дружим с первого класса. Тогда Мэри подошла ко мне на линейке и сказала: «У тебя бантик некрасивый. Давай поменяемся». Мы поменялись. Её бантик был действительно красивее. С тех пор так и повелось: Мэри берёт, я отдаю, и мы обе почему-то этим довольны.

Мэри — красавица. Не та, про которых говорят «симпатичная», а настоящая: с такими нормально оглядываются на улице и врезаются в столбы. Светлые волосы до пояса, огромные голубые глаза, губки бантиком. Хохочет она так, что рядом начинают хохотать даже те, кто не понял шутки. Мужчины её обожают. Причём все: однокурсники, преподаватели, бариста, таксисты, охранники в торговых центрах. Однажды при мне ей уступил место в метро дедушка с палочкой. Сам. И ещё извинился. Ха-ха! Мне никто никогда не уступает место. Вот такая я - невзрачная подружка крутой девчонки.

При этом Мэри — ребёнок. Огромный, очаровательный ребёнок в теле Барби. Однажды она позвонила мне в два часа ночи и рыдала так, что я уже мысленно вызывала полицию. Оказалось, сломался ноготь. «Алис, ты не понимаешь, это был мой любимый!» Она путает Австрию с Австралией, а свой лимит на карте превышает с регулярностью, которой позавидовал бы папа. Любую проблему она решает одним способом: делает круглые глаза и говорит «ну пожа-а-алуйста». И, что самое обидное, это работает.

Я её люблю. Правда. Она смешная, лёгкая и умеет радоваться, как никто другой. Когда мне плохо, она приносит пирожные и устраивает «девичник спасения». Правда, через десять минут он почему-то превращается в обсуждение её нового парня, но сам порыв засчитывается.

Есть только одна проблема. Мэри не выносит, когда что-то красивое достается не ей. Бантики, платья, внимание. Особенно внимание.

Но тогда я об этом не особо задумывалась.

Всё началось в пятницу, в середине октября.

Москва в тот день была по-осеннему нарядная: жёлтые клёны, мокрый асфальт, в лужах отражаются фонари. Я как раз выходила с пары, когда зазвонил телефон.

— Алиса-а-а! — пропела Мэри так громко, что на меня обернулся проходящий мимо декан. — Ты где? Ты свободна? Скажи, что свободна!

— Я на учёбе. А что?

— Сегодня вечером идём на бокс!

Я остановилась посреди коридора.

— Куда?

— На бокс! Ну, там дерутся, перчатки, ринг, всё такое. Тёма выступает! Это мой дружок один. У них турнир, любительский, но очень крутой. Он меня позвал, а я одна не пойду, там же одни мужики потные, я умру. Ну пожа-а-алуйста!

Тёма был новым увлечением Мэри. Познакомились они давно. По меркам Мэри это уже серьёзные отношения, практически помолвка, только вот парадокс: Мэри называла Тему «моим песиком», и я догадываюсь, что Тема и был песиком Мэри. Это не имеет ничего общего с любовью. Это я точно знаю.

— Мэри, у меня в десять комендантский час, ты же знаешь.

— Турнир в шесть! Ты сто раз успеешь. Скажешь, что у тебя английский. Ну Алисочка, ну солнышко, ну я тебе потом куплю тот блеск, который ты хотела!

Я вздохнула. Блеск тут был ни при чём. Просто я никогда не умела ей отказывать. Наверное, ещё с тех пор, как мы поменялись бантиками.

Но Мэри умеет уломать. Блеск для губ не просто какой-то дешёвый, а от одной дорогой фирмы. Стоит он как приличное платье.

— Ладно. Но в девять я уезжаю, - согласилась я.

— Ура-а-а! Ты лучшая! Надень что-нибудь красивое!

— Это же бокс, - поморщилась я.

— Тем более!

Боксёрский клуб прятался в старом промышленном здании недалеко от Бауманской: кирпичные стены, металлическая лестница, на двери вывеска с перчаткой. Внутри пахло резиной, потом и чем-то ещё, чему я не могла подобрать названия. Наверное, так пахнет адреналин.

Зал был набит битком. Посередине стоял ринг, настоящий, с канатами и синими углами. Вокруг теснились ряды пластиковых стульев. Народ кричал, свистел и переговаривался, а из колонок гремела музыка с таким басом, что у меня внутри вибрировали рёбра.

Мэри, конечно, нарядилась так, будто собиралась на красную дорожку в Каннах: белое облегающее платье, высоченные каблуки, укладка. Когда мы шли к своим местам, головы поворачивались за ней одна за другой, как подсолнухи за солнцем. Я в джинсах, чёрной водолазке и с хвостом шла следом и чувствовала себя её личным ассистентом.

— Вон Тёма! — Мэри замахала руками.

Тёма оказался весьма симпатичным парнем с добродушным лицом. Он помахал нам из угла, где разминались спортсмены, и расплылся в улыбке до ушей. Мэри послала ему воздушный поцелуй. Тёма покраснел так, что было видно издалека.

— Кстати, Тема музыкант, - пропела Мэри. - Знаешь, как он потрясно играет на виолончели?

— Откуда мне знать? - фыркнула я.

Мы сели. Первые бои я смотрела вполглаза. Если честно, бокс никогда меня не интересовал: два человека бьют друг друга по лицу, что тут может быть интересного? Мэри тем временем фотографировала себя на фоне ринга с разных ракурсов и каждые две минуты спрашивала: «А как я тут? А вот тут? Давай ещё раз, у меня глаз моргнул».

Тёма свой бой проиграл, но держался мужественно. Мэри громко кричала «Тёмочка, ты всё равно лучший!», и полкоманды соперника подмигивало ей с другого конца зала.

А потом объявили следующую пару.

— В синем углу — Даниэль Силас!

Зал взорвался. Девушки в соседнем ряду завизжали так, что я чуть не оглохла на левое ухо. Я подняла глаза от телефона, где переписывалась с мамой («Как английский? — Отлично, мам, изучаем Present Perfect»), и...

И забыла, что такое Present Perfect.

Он шёл к рингу спокойно, без всякой показухи. Не прыгал, не размахивал руками, как предыдущие бойцы. Высокий, широкоплечий. Тёмные, почти чёрные волосы чуть влажные,

будто он только что умылся. Тело как у античной статуи, только живое: каждая мышца перекатывалась под кожей, когда он поднимал руки. Но поразило меня не это.

Меня поразило, как он двигался.

Я танцую с семи лет. Я видела сотни танцоров: хороших, плохих, гениальных. И я сразу узнаю человека, который чувствует своё тело, у которого движение начинается откуда-то изнутри, из центра. Этот парень двигался как танцор. Легко, точно и абсолютно бесшумно, словно пол под ним был мягким.

Он поднырнул под канаты, выпрямился и оглядел зал. Всего на секунду его взгляд скользнул по нашему ряду. И остановился на мне.

Я не знаю, как это объяснить. Наверное, так бывает в кино, когда звук вдруг пропадает и остаётся только стук сердца. Тёмные глаза, очень серьёзные, смотрели прямо на меня. А потом уголок его губ чуть дрогнул, будто он увидел что-то забавное.

Я отвела взгляд первой. Конечно. Я всегда отвожу первой.

— О-бал-деть, — выдохнула Мэри мне в ухо. — Это кто вообще?

— Даниэль Силас, — ответила я. — Ты что, не слышала?

— Слышала. Я имею в виду... КТО ЭТО ВООБЩЕ?

Прозвучал гонг.

И следующие три раунда я не дышала. Это был танец. Честное слово, это был самый настоящий танец. Шаг, уход, нырок, разворот. Его соперник был ниже и тяжелее, он бросался вперёд, как бульдозер. А Даниэль словно чувствовал каждый его удар за полсекунды до того, как тот начинался. Он работал в ритме. Я поймала себя на том, что считаю: раз-два-три, раз-два-три. Он двигался на три четверти, как в вальсе. Ей-богу, как в вальсе.

— Почему ты считаешь вслух? — подозрительно спросила Мэри.

— Я не считаю.

— Считаешь. «Раз-два-три». Ты что, ставки делаешь?

В третьем раунде Даниэль закончил бой: короткая серия, раз, два, и соперник осел на канаты. Рефери замахал руками. Зал взревел. А я сидела, вцепившись в край пластикового стула, и не понимала, почему у меня так дрожат колени.

После турнира Тёма пригласил нас «на минутку» в раздевалочную зону, где спортсмены собирались со своими друзьями и девушками. Мэри, разумеется, согласилась быстрее, чем он успел договорить. Я посмотрела на часы: двадцать минут девятого. Время ещё было.

Мы протиснулись в коридор, увешанный старыми афишами. Тёма обнимал Мэри за талию и рассказывал, как его «почти нокаутировали, но он всё равно молодец». А потом в конце коридора открылась дверь, и вышел ОН.

Уже в чёрной футболке и спортивных штанах, с сумкой через плечо. Волосы мокрые после душа, на скуле краснеет свежая ссадина.

— Дэн! — заорал Тёма. — Красава! Иди сюда, познакомлю!

Даниэль подошёл. Вблизи он оказался ещё выше. Мне пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в лицо, а это при моих ста шестидесяти восьми бывает нечасто.

— Это Мэри, моя девушка, — гордо сказал Тёма. — А это её подруга...

— Алиса, — сказала я.

— Алиса, — повторил Даниэль. Голос у него был низкий, чуть хриловатый. Моё имя он произнёс медленно, словно пробовал его на вкус. — Ты считала.

— Что?

— Во время боя. Я видел. Ты шевелила губами. Раз-два-три.

Я почувствовала, как краснеют уши. Предательски, ярко, горячо.

— Ты видел? Ты же... дрался.

— Я всегда смотрю в зал перед вторым раундом. Привычка. — Он чуть наклонил голову. — Так что ты считала?

Наверное, стоило соврать. Сказать, что считала удары или минуты до конца. Но эти тёмные глаза смотрели на меня с таким искренним любопытством, что я сказала правду:

— Ты двигаешься на три четверти. Как в вальсе. Раз-два-три, шаг-уход-удар. У тебя очень музыкальная работа ног.

Повисла пауза. Тёма открыл рот. Мэри закатила глаза. А Даниэль...

Даниэль засмеялся. Не громко, а тихо и тепло, и от его смеха что-то внутри меня перевернулось, как блинчик на сковородке.

— Мой тренер десять лет пытается это объяснить, — сказал он. — Говорит: «Даня, у тебя ритм, держи ритм». А ты за три раунда разложила по полочкам. Ты танцуешь?

— Танцую.

— Что?

— Современную хореографию. И немного джаз-фанк.

— Знаешь, что мне говорит тренер? — Он чуть понизил голос, будто делился секретом. — Хороший боксёр — это танцор, которому разрешили бить.

— А хороший танцор — это боксёр, которому запретили, — ответила я раньше, чем успела подумать.

Он снова улыбнулся. Теперь уже по-настоящему, широко, так, что у глаз появились морщинки. И я поняла, что пропала. Окончательно и бесповоротно, как говорит папа про футбольную сборную.

— Даниэль, — протянул голос справа.

Я и не заметила, как Мэри оказалась между нами. Вот только что она висела на Тёме, а теперь уже стояла рядом с Даниэлем и смотрела на него снизу вверх огромными голубыми глазами. Как она это делает, я не знаю. Наверное, это какая-то магия, которую выдают при рождении вместе с длинными ресницами.

— Ты так круто дрался, — промурлыкала она. — Я вообще не знала, что бокс — это так... красиво. А тебе не больно? Ой, у тебя тут ссадина!

И она коснулась пальчиком его скулы.

Я замерла. Тёма за её спиной тоже замер, только у него при этом медленно вытягивалось лицо.

Даниэль мягко отстранился.

— Нормально. Бывает.

— Нет, правда, надо обработать! — не унималась Мэри. — У меня есть пластырь. С единорожками.

У неё действительно всегда с собой пластырь с единорожками. Это единственная практичная вещь в её сумочке, если не считать трёх помад и зеркальца.

— Спасибо, не надо, — сказал Даниэль. Вежливо, но как-то коротко. И снова посмотрел на меня поверх её головы.

Но Мэри было не остановить. Если она чего-то хочет, она прёт как ледокол «Ленин», только в белом платье и на каблуках.

— Слушай, а ты можешь меня научить драться? Ну, чуть-чуть? Для самообороны! Москва же опасный город, а я такая незащищённая. Вот как надо бить, так? — Она сжала кулачок и махнула им в воздухе с грацией котёнка, отгоняющего муху.

— Мэри, — тихо сказал Тёма. — Я же тебе предлагал показать.

— Ой, Тёмочка, ну ты же проиграл, — беззаботно отмахнулась она, даже не повернувшись к парню. — А Даниэль победил. Это совсем другое!

Тёма покраснел снова, но уже совсем по-другому. Мне стало его ужасно жалко. И немного стыдно за подругу. А ещё внутри что-то противно кольнуло, тонко и неприятно, будто под ребро попала заноза.

Я знала этот взгляд Мэри. Так она смотрела в первом классе на мой бантик.

— Мне пора, — сказала я, посмотрев на часы. Восемь сорок семь. — У меня... английский.

— В девять вечера? — удивился Даниэль.

— Очень строгий преподаватель, — пробормотала я. — Полковник в отставке.

Он снова приподнял уголок губ, и мне показалось, что он понял гораздо больше, чем я сказала.

— Я на машине. Могу подвезти.

— Ой, правда? — тут же оживилась Мэри. — А нам как раз по пути! Мы же в соседних домах живём! Тёмочка, ты ведь не обидишься? Тебе же ещё с тренером говорить!

Тёма, судя по лицу, очень даже обиделся. Но промолчал. Хорошие люди почему-то всегда молчат.

Машина у Даниэля оказалась старенькая, но идеально чистая. Тёмно-синяя «Мазда», в салоне пахло мятой и немного кожей от боксёрских перчаток, которые лежали на заднем сиденье.

— Моя «бабушка», — засмеялся Даниэль, поглаживая руль. «Бабушка» взревела.

Я села назад, к перчаткам. Почему-то мне показалось, что так правильно. Мэри, разумеется, впорхнула на переднее сиденье, как будто его там поставили специально для неё.

Всю дорогу она говорила. О том, какой красивый был бой. Какие у Даниэля мышцы. Не хочет ли он как-нибудь сходить в новый ресторан на Патриарших, где подают «вот такие» устрицы. Знает ли он, что она, вообще-то, могла бы стать моделью, просто ей лень. И не кажется ли ему, что у них похожий знак зодиака?

— А ты кто по гороскопу? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Даниэль.

— Как можно не знать?! Когда у тебя день рождения?

— В марте.

— Рыбы или Овен! Я так и знала! Мы идеально совместимы, я Весы!

— Ладно, ладно, я - Рыбы, — снисходительно засмеялся он и бросил на меня взгляд через зеркало заднего вида.

Даниэль кивал, иногда что-то отвечал вежливыми короткими фразами и смотрел на дорогу. А я сидела сзади и смотрела в окно на огни Садового кольца, на жёлтые листья, которые ветер гнал по тротуарам. И почему-то думала о том, что его руки на руле лежат так же спокойно и уверенно, как на ринге.

Один раз, всего один, я подняла глаза и встретила с ним взглядом в зеркале заднего вида. Он смотрел на меня. Не на дорогу, не на Мэри, которая как раз рассказывала про своего бывшего «ну такого дурака, представляешь». На меня.

Он не отвёл взгляд, и я тоже. Секунда, две, три. Раз-два-три. Вальс.

— Даня, осторожно, светофор! — взвизгнула Мэри.

Даниэль спокойно затормозил. До светофора было ещё метров двадцать.

— Я вижу, — сказал он, и мне показалось, что он едва сдерживает улыбку.

Он высадил нас у моего дома в двадцать один пятьдесят две. Мэри вышла первой и картинно поёжилась от холода, явно рассчитывая, что ей предложат куртку. Не предложили. Она нахмурилась, но тут же снова расцвела:

— Даниэль, дай свой номер! Ну, на всякий случай. Вдруг на меня нападут, и мне понадобится защитник!

Он продиктовал. Мэри записала его как «Даня», я видела через её плечо. Потом она помахала ему и, цокая каблуками, пошла к своему подъезду в соседнем доме, оборачиваясь через каждые три шага.

Я задержалась на секунду, просто чтобы сказать спасибо. Только спасибо, честное слово. Даниэль опустил стекло.

— Алиса.

— М?

— Ты так и не сказала, где танцуешь.

— Это секрет.

— Почему?

Я посмотрела на окна нашей квартиры на седьмом этаже. На кухне горел свет. За шторой угадывался знакомый силуэт с чашкой чая. Нет, не чая. Скорее с часами.

— Потому что мой «преподаватель английского» не одобряет танцы. Совсем.

Даниэль проследил за моим взглядом, потом снова посмотрел на меня. Серьёзно, без улыбки.

— Знаешь, в боксе есть правило, — сказал он. — Если тебя загнали в угол, нужно не прятаться, а выходить в центр ринга.

— А если в центре ринга стоит полковник в отставке?

Он рассмеялся. Этот смех ещё долго звучал у меня в голове.

— Лдно, я понял. Строгий папа. Давай, беги к нему. Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Даниэль. И... будь осторожен.

Машина мягко тронулась с места. Я стояла и смотрела, как красные огоньки фар растворяются в осенней темноте.

В квартиру я вошла в двадцать один пятьдесят восемь. Папа стоял в прихожей, скрестив руки. Посмотрел на часы, потом на меня, потом снова на часы.

— Две минуты, — сказал он.

— До десяти, — уточнила я. — У меня ещё две минуты, пап.

Он хмыкнул. Это значило «засчитано, но я слежу». Потом прищурился:

— Как английский?

— Отлично. Очень... интенсивно.

— Хм. От тебя как-то странно пахнет.

Я на секунду застыла. Мама за его спиной выглянула из кухни с тем самым выражением лица, с каким проверяет контрольные.

— В аудитории ремонт, — выпалила я. — Занимались в спортзале при институте. Временно. Ну ты знаешь, как там бывает.

Папа смотрел на меня очень долго. Где-то вдаль лаяла собака. Тикали часы. Кажется, у меня вспотели даже ресницы.

— Хм, — снова сказал папа и ушёл в комнату.

Я выдохнула и закрылась у себя. Забралась на кровать прямо в одежде, обняла подушку и устала в потолок.

Что это вообще было?

Я же разумный человек. Я учусь на финансах и кредите. Я составила план, у меня есть банка «Свобода» и четыре месяца с семнадцатью днями до новой жизни. В этом плане не было пункта «влюбиться в боксёра с глазами, как горький шоколад». Это вообще нерационально. Это не перспективно.

Телефон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера:

«Ты так и не сказала, какой танец танцуешь. Я жду ответа. Даниэль».

Я села на кровати. Сердце бухнуло где-то в районе горла. Откуда у него мой номер? Я ведь его не давала...

Следом пришло второе:

«Тёма дал. А ему Мэри. Не ругай его, я его победил на спарринге в прошлом месяце, он мне должен».

Я улыбнулась так широко, что заболели щёки. Пальцы сами потянулись к экрану. Я напечатала: «Контемп». Стёрла. Напечатала: «А ты угадай». Стёрла. Напечатала: «Приходи и посмотри»...

И тут телефон снова завибрировал. Мэри.

«Алиииис!!! Ты спишь???»

«Он такой краш, я не могу!!! »

«Я поняла, что Тёма — это вообще не моё. Он милый, но не то. А Даниэль — это ТО. Это судьба, я чувствую!!!»

«Ты же мне поможешь? Ты же лучшая подруга!!! »

«Ну пожаааалуйста»

Я смотрела на экран. На одной половине висело недописанное «Приходи и посмотри», на другой — сердечки Мэри. Где-то в шкафу, за зимними свитерами, тихо стояла банка с надписью «Свобода».

А мне вдруг вспомнился первый класс, линейка и бантик, который я когда-то отдала просто так, не раздумывая.

Я медленно положила телефон на подушку экраном вниз.

Кажется, этот бантик я отдавать не хочу.

Глава 2. Ключи от чужой двери

Потом Алиса долго убеждала себя, что ссора началась с мелочи. Но в глубине души она знала, что мелочей в их доме не бывало. Каждая служила кирпичиком в высокой и аккуратной стене, которую родители двадцать один год строили вокруг неё. Строили с любовью, конечно. Тюремщики тоже иногда любят свою работу.

В тот вечер мелочью стала фотография.

Мама стояла посреди кухни с телефоном в вытянутой руке, будто держала дохлую мышь. На экране светился снимок из соцсетей Мэри: прокуренный зал, разноцветные огни и Алиса. Она смеялась, запрокинув голову, а рядом стоял высокий темноволосый парень с разбитой бровью и улыбкой, от которой у любой нормальной матери начинает дёргаться глаз.

— Это кто? — спросила Ирина Сергеевна тем самым тихим голосом, после которого в доме обычно бьётся посуда.

— Знакомый, — ответила Алиса. Она очень надеялась, что голос звучит беззаботно, но он прозвучал как у человека, застигнутого над чужим сейфом.

— Знакомый, — повторила мама и посмотрела на отца.

Виктор Андреевич медленно отложил планшет. Он всё делал медленно: так ведут себя люди, привыкшие, что подчинённые ждут.

— Алиса, ты говорила, что в субботу будешь у Мэри готовиться к экзамену.

— Я и была у Мэри.

— А потом?

— А потом мы немного вышли.

— Немного, — мама развернула экран к отцу. — Посмотри, Витя, как немного. У него бровь рассечена. Он что, бандит?

— Он боксёр, — вырвалось у Алисы. Она тут же поняла, что лучше бы сказала «бандит». Бандит хотя бы мог оказаться бизнесменом.

Повисла тишина. Холодильник гудел так виновато, словно тоже был замешан.

Дальше всё покатилося с горы, как санки без тормозов. Отец сказал, что стажировку в его компании он выбивал для неё полгода и не позволит всё испортить из-за «танцулек и мордобоя». Мама сказала, что Мэри дурно на неё влияет и это было видно ещё с первого курса, «с этой её помадой». Алиса сказала, что помада тут вообще ни при чём. А потом сказала то, что зрело в ней годами, как гроза над дачным посёлком:

— Я не хочу вашу стажировку. И экономику вашу не хочу. Я хочу танцевать!

— Танцевать ты будешь на своей свадьбе, — отрезал отец. — С приличным человеком.

— А если я выберу неприличного?

Мама ахнула. Отец встал.

— Пока ты живёшь в моём доме, ты будешь жить по моим правилам, — прогремел его голос.

Он сказал это так, будто вбил последний гвоздь. И тогда Алиса совершенно спокойно, отчего страшнее стало даже ей самой, ответила:

— Значит, я не буду жить в твоём доме.

Собиралась она за двенадцать минут. Потом она с некоторой гордостью вспоминала этот рекорд и с недоумением разглядывала содержимое сумки. Туда попали: две пары джинсов, три футболки, балетки, кроссовки для зала, зарядка, зубная щётка, один носок без пары и плюшевый бегемот Феликс, с которым она не расставалась с шести лет. Тёплой кофты не оказалось. Нижнего белья нашлось ровно на два дня. Зато был бегемот.

Мама стояла в дверях комнаты и плакала беззвучно, как умеют только очень гордые женщины.

— Алиса, не делай глупостей.

— Я двадцать один год не делала глупостей, мам. Надо же когда-то начинать.

Отец из кабинета не вышел. Только когда за ней уже закрывалась входная дверь, из глубины квартиры донеслось:

— Через три дня вернёшься!

В лифте Алису затрясло. Сначала руки, потом колени, потом всё остальное. Она прижала к груди сумку с торчащим из неё бегемотом и набрала номер.

— Мэри... Можно я у тебя поживу? Немножко.

На том конце помолчали ровно секунду.

— Ты ещё спрашиваешь? Бери такси, я ставлю чайник. Нет, открываю вино. Нет. Ставлю чайник и открываю вино. Езжай, солнце.

Мэри жила на Чистых прудах, в старом доме с высокими потолками и лепниной. Квартиру ей подарил отец, когда понял, что дочь легче поселить отдельно, чем перевоспитать. Квартира была похожа на хозяйку: красивая, шумная и в лёгком беспорядке, который сама Мэри называла «творческим».

В прихожей Алису встретили семь пар туфель на шпильках, велосипед, на котором никто никогда не ездил, и огромный кактус в горшке с надписью «Не трогай меня, я в депрессии».

— Он правда в депрессии, — серьёзно сказала Мэри, обнимая подругу так крепко, что бегемот Феликс жалобно пискнул. — Я его неделю не поливала. Или месяц. Неважно. Проходи. У нас тут Тёма.

— Кто?

— Тёма. Шкаф собирает. Не обращай внимания, он тихий.

На кухне действительно обнаружился Тёма. Он сидел на полу среди досок, шурупов и инструкции на четырнадцати языках и сосредоточенно прикручивал дверцу. Высокий, светло-волосый, с серыми спокойными глазами и длинными пальцами музыканта, Тёма был красивой неяркой красотой, которую замечаешь не сразу. Зато потом удивляешься, как мог её не заметить.

— Привет, — сказал он Алисе и улыбнулся. Улыбка была тёплая, как свет в окне чужой квартиры. — Чай будешь? Я как раз заварил.

— Тём, сделай нам ещё бутерброды, — крикнула из комнаты Мэри. — И шкаф доделай, только не шуми. И открой окно, у меня кактус задыхается.

— Хорошо, — ответил Тёма, ни капли не обидевшись. Он встал, открыл окно, нарезал хлеб, сыр и помидоры, разложил всё на тарелке красиво, с веточкой укропа сверху, и снова сел к шкафу.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Она узнала этот взгляд. Каждый раз, когда Мэри проходила мимо, Тёма поднимал глаза, и в них появлялось такое, что хотелось отвернуться, чтобы не подглядывать. Так смотрят на поезд, который уже тронулся, а ты остался на перроне с цветами.

Позже, когда они с Мэри сидели на подоконнике с бокалами, а Алиса в третий раз пересказывала ссору и в третий раз плакала (уже меньше, от вина и злости), она не выдержала:

— Мэри, он же в тебя влюблён.

— Кто? Тёмка? — Мэри махнула рукой так небрежно, что чуть не пролила вино на кактус. — Конечно влюблён.

— И тебе что, совсем...

— Алис, он милый. Он как плед. Тёплый, мягкий, всегда под рукой. Но кто в здравом уме влюбляется в плед?

— Плед, между прочим, собирает тебе шкаф. В одиннадцать вечера.

— Ну и что? В меня все влюблены, — Мэри потряхнула кудрями и рассмеялась. — Это не повод выходить замуж за каждого, кто умеет держать отвёртку.

Из кухни донеслось негромкое «готово». Тёма заглянул в комнату уже в куртке:

— Шкаф собрал. Полку в ванной завтра прикручу, если хочешь.

— Ага, спасибо, Тём, пока! — Мэри даже не обернулась.

Он постоял секунду. Посмотрел на её затылок. Перевёл взгляд на Алису, и та вдруг поняла, что он прекрасно слышал про плед. Тёма едва заметно ей кивнул, словно говоря: «Всё нормально», — и тихо закрыл за собой дверь.

На лестнице пахло старым деревом и чьими-то пирогами. Тёма спустился вниз, вышел из подъезда и сел на лавку. Отсюда был виден двор и жёлтое окно квартиры Мэри. В окне мелькнула ее макушка, затем лицо, смеющееся лицо. *Она смеется. Просто смех, в котором его не было. И никогда не будет. В груди разгорелась обида, Тёма поморщился, стиснул зубы. Ничего, он все выдержит.*

Он достал телефон. Открыл переписку, подписанную коротко: «Дэн».

С Даниэлем они дружили со школы. Жили в одном дворе, Тёма делал за него алгебру, а Даниэль отгонял от него старшеклассников, которые считали, что очкарикам со скрипичным футляром положено отдавать мелочь. Потом очки сменились линзами, скрипка гитарой, а дружба осталась. Тихая, как сам Тёма, и надёжная, как удар Даниэля. Потом Тёма вслед за другом пошел на бокс и у него стало получаться. Он даже сам этому удивился. Но музыку он не забросил. Музыка была для него всем.

Неделю назад, после того вечера в клубе, Даниэль позвонил ему в два часа ночи и сказал очень странным голосом:

— Тём. Та девчонка, подруга твоей Мэри. Алиса. Узнай про неё что-нибудь, а? Только аккуратно.

— Она не моя, — машинально поправил тогда Тёма. Он имел в виду Мэри. Даниэль понял и промолчал. Он вообще умел вовремя промолчать, что для боксёра редкость.

Теперь Тёма набирал сообщение, стирал, набирал снова:

«Она у Мэри. С родителями разругалась вдрызг, приехала с сумкой и бегемотом. Не спрашивай про бегемота. Глаза заплаканные. Если ты серьёзно, сейчас самое время. Только про меня ни слова».

Ответ пришёл через минуту:

«Спасибо, брат. С меня причитается».

И через секунду ещё одно:

«Ты сам-то как?»

Тёма посмотрел на жёлтое окно. Мэри как раз подошла к стеклу, задёрнула штору, и окно стало просто светлым пятном.

«Нормально».

Он убрал телефон, поднял воротник и пошел в сентябрьскую ночь. Москва шумела вокруг, огромная и равнодушная, а он шёл через двор и думал, что полку в ванной надо прикрутить повыше, потому что Мэри вечно ударяется о неё головой.

Даниэль прочитал сообщение в раздевалке, сидя на лавке с наполовину размотанным бинтом на правой руке. Из зала доносились глухие удары: Палыч гонял молодых.

— Ты чего лыбишься, как кот на сметану? — спросил тренер, заглянув в дверь. — Выиграл в лотерею?

— Почти, Палыч.

— Ну смотри. Лотерея вещь коварная, — проворчал тот и ушёл.

Даниэль открыл диалог с Алисой. С соперником на ринге было проще: там ясно, куда бить и когда уходить в защиту. А тут перед ним лежал пустой экран, мигал курсор, и непонятно было, с какой стороны заходить.

На седьмой попытке в раздевалку зашёл Серёга из тяжёлого веса, посмотрел через плечо, хмыкнул и сказал:

— Брат, ты пишешь девушке или завещание? Просто позови её. Девушки любят, когда прямо.

Даниэль вздохнул и написал:

«Привет. Это тот, с бровью. Пойдём завтра гулять? Обещаю никого не бить, кроме груши. И то не при тебе».

Он нажал «отправить» и тут же захотел швырнуть телефон в стену. Тот с бровью? Серьёзно?

Ответ пришёл через четыре минуты. Всё это время Даниэль успел дважды пройтись по раздевалке, один раз выпить воды и один раз пообещать себе больше никогда не влюбляться.

«Привет, Тот-с-бровью. Как она, кстати? Зажила?»

«Почти. Покажу завтра, если согласишься».

«Это шантаж?»

«Это стратегия».

Пауза. Три точки появились, исчезли, снова появились.

«Хорошо. В семь. Я сейчас у подруги, адрес скину».

Даниэль медленно выдохнул и откинулся на холодную стену раздевалки. Сердце билось так, будто он отстоял двенадцать раундов. Только счастливо.

— Платье! — заявила Мэри на следующий день, распахивая шкаф. Тот самый, свежесобранный, который ещё пах опилками и заботой Тёмы.

— Джинсы, — сказала Алиса.

— Платье!

— Мэри, мы гулять идём, а не на приём к английской королеве.

— Королевы больше нет, а платья остались. Вот, зелёное. Под твои глаза. Он умрёт.

— Я не хочу, чтобы он умер. Хочу, чтобы погуляли.

Сошлись на компромиссе: джинсы, зелёная шёлковая блузка Мэри и кеды, потому что на каблуках Алиса отказалась идти категорически («я танцую двенадцать часов в неделю, мои ноги заслужили пенсию»). Мэри наредила ей ресницы, побрызгала духами, которые стоили как месячная стипендия, и придирчиво оглядела.

— Идеально. Если он не влюбится, значит, он слепой, глухой и, возможно, вообще робот.

— А если я не хочу, чтобы он влюблялся?

Мэри посмотрела на неё долгим взглядом, каким смотрят на очень наивных котят.

— Алиса. Ты уже сорок минут выбираешь серёжки к блузке, которую в темноте никто не разглядит. Не рассказывай мне, чего ты не хочешь.

Ровно в семь у подъезда остановилась машина. Точнее, не столько машина, сколько ветеран. Серебристая «Мазда» две тысячи седьмого года, с царапиной на крыле и наклейкой «Не библикай, я и так нервничаю» на заднем стекле.

— Это Бабушка, — серьёзно представил её Даниэль, открывая перед Алисой дверцу. — Она старая, но гордая. Не говори при ней ничего плохого.

— Здравствуйте, Бабушка, — так же серьёзно сказала Алиса и погладила приборную панель.

Даниэль посмотрел на неё и улыбнулся так, что у неё на секунду пропал воздух.

Бровь, кстати, почти зажила. Остался тонкий розовый шрам, который делал его похожим на героя старого фильма про благородных разбойников.

Он привёз её не в ресторан и не в кино. Он привёз её на крышу.

Это была старая шестиэтажка где-то в Замоскворечье. Дверь на чердак открылась ключом, который Даниэль, по его словам, «одолжил у одного хорошего дворника за две пачки сигарет и обещание не прыгать». Наверху было ветрено, пахло нагретым за день железом и осенью. Вокруг, сколько хватало глаз, лежала Москва: золотые купола, красные огоньки на башнях Сити, мерцающая лента реки и миллион окон. За каждым из них кто-то ссорился, мирился, ужинал или плакал.

Даниэль расстелил на тёплой кровле толстый плед, достал из рюкзака термос, два пластиковых стаканчика и бумажный пакет.

— Чай с чабрецом. Мама собирает. И пирожки с капустой. Тоже мама.

— Ты сказал маме, что идёшь на свидание?

— Я сказал, что иду гулять с другом. Она посмотрела на меня, молча положила в пакет шесть пирожков вместо двух и сказала: «Другу привет. Пусть кушает, а то они сейчас все худые».

Алиса рассмеялась, громко и свободно, впервые за два дня. Смех улетел куда-то в небо, к редким звёздам.

Они пили чай и ели пирожки, которые оказались такими вкусными, что Алиса съела три и не почувствовала ни капли вины. И разговаривали. Сначала осторожно, будто пробовали лёд ногой, а потом всё смелее.

Она рассказала про родителей. Про стену из кирпичиков и про стажировку, которую не хотела. Про то, как в восемь лет впервые увидела балет «Жизель» и плакала весь второй акт, а мама сказала: «Это красиво, но это не профессия». Про то, что танец для неё как воздух. Если долго не дышать, начинаешь умирать, только медленно и незаметно для окружающих.

Даниэль слушал так, как, наверное, никто никогда её не слушал. Не перебивал, не давал советов, просто смотрел своими тёмными глазами и иногда кивал.

А потом рассказал о себе. Отца он не помнил: тот ушёл, когда сыну было три. Мама работала медсестрой в две смены, а он рос во дворе, где выживал тот, кто бьёт первым. В двенадцать лет его, злого и вечно в синяках, за шиворот притащил в зал Палыч и сказал: «Хочешь драться? Дерись. Но по правилам».

— Бокс меня спас, — просто сказал Даниэль. — Если бы не он, я бы сейчас сидел. Или лежал. Тут уж как повезёт.

— А сейчас?

— Сейчас учусь на физкультурном, тренирую малышня по выходным и коплю. — Он смущённо хмыкнул. — Хочу когда-нибудь открыть свой зал. Для таких пацанов, каким я был. Пока накопил, правда, примерно на одну грушу и половину скакалки.

— Это хорошее начало, — серьёзно сказала Алиса. — Скакалка — основа всего.

Ветер подхватил её волосы, и она поёжилась. Даниэль молча снял куртку и накинул ей на плечи. Куртка была тёплая и пахла им: мылом, осенним воздухом и чем-то неуловимо надёжным.

— Слушай, — вдруг сказал он. — А ты научишь меня танцевать?

— Здесь?

— А где ещё? Тут сцена с видом на всю Москву.

— Но музыки нет.

— Музыка будет, — он достал телефон, и над крышей поплыло что-то старое и медленное, с хрипловатым саксофоном.

Учить его оказалось одновременно мучительно и очень смешно. Даниэль, который на ринге двигался легко, как кошка, в танце превращался в шкаф на колёсиках. Он трижды наступил ей на ногу, один раз чуть не уронил термос с крыши и на каждый счёт «раз-два-три» сосредоточенно шевелил губами.

— Расслабь плечи, — смеялась Алиса. — Ты не на бой идёшь.

— Для меня это хуже боя. На ринге меня хотя бы никто не просит «чувствовать музыку».

— А ты попробуй не думать. Просто слушай.

Он попробовал. Закрыв глаза. И вдруг, на каком-то такте, что-то щёлкнуло: его рука легла ей на талию уверенно и бережно, шаг совпал с её шагом, и они поплыли медленным кругом по старой московской крыше, под небом, под саксофон, под стук собственных сердец.

Музыка кончилась. Они остановились, но не отпустили друг друга.

— Ну вот, — шёпотом сказала Алиса. — А говорил, шкаф.

— Я и есть шкаф, — так же тихо ответил он. — Просто рядом с тобой я шкаф, который умеет танцевать.

Он не поцеловал её тогда. Хотя оба этого ждали, и это было так очевидно, что даже голуби на соседнем карнизе замерли. Даниэль только убрал прядь волос с её лица и сказал:

— Поехали. Тебе холодно, а Бабушка не любит ночевать одна.

У подъезда Мэри он заглушил мотор. Несколько секунд они сидели молча. На лобовом стекле рисовал узоры свет фонаря, проходящий сквозь листву.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Это был лучший вечер за... кажется, вообще за всё время.

— Даже лучше, чем «Жизель»?

— «Жизель» хотя бы не наступала мне на ноги.

Он засмеялся. А потом перестал смеяться, наклонился и поцеловал её. Медленно, осторожно, будто спрашивал разрешения. Она ответила раньше, чем успела подумать. Ей показалось, что старая «Мазда» тихонько вздохнула и сделала вид, что ничего не видит.

Где-то на третьем этаже дрогнула штора: Мэри, конечно, подглядывала. Утром она будет изображать абсолютное неведение и выдержит примерно четыре секунды.

— Напиши, как доедешь, — сказала Алиса, выходя из машины.

— Обязательно.

Он так и не написал. Только узнала она об этом гораздо позже.

Ехал он счастливым. До неприличия, до глупой улыбки, до того, что громко подпевал радио, хотя слов не знал. Начался дождь, мелкий и осенний, и дворники Бабушки скрипели в такт песне.

На пустой улице у Павелецкой зелёный уже мигал. Даниэль чуть прибавил газу, чтобы успеть. И тут из-за припаркованного фургона прямо под колёса выскочил курьер на электро-самокате, в жёлтой куртке, с огромным коробом за спиной.

Всё случилось за секунду. Рефлекс боксёра сработал быстрее мысли: руль резко вправо, тормоз в пол, визг шин по мокрому асфальту. Курьер вильнул, чудом проскочил и исчез в темноте, даже не оглянувшись. А Бабушка, беспомощно скользя юзом, с тяжёлым, страшным, металлическим хрустом въехала в бок чёрного «Гелендвагена», стоявшего у обочины.

Тишина наступила мгновенно. Только дождь стучал по крыше, и где-то далеко лаяла собака.

Даниэль сидел, вцепившись в руль. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах. Живой. Цел. Курьер тоже, кажется, цел. Это главное. Остальное железо.

Потом он посмотрел в лобовое стекло и понял, что остальное тоже очень важно.

«Гелендваген» был не просто чёрным. Он был тем идеально глянцевым чёрным, который бывает только у очень дорогих машин и очень дорогих гробов. Теперь его правый бок украшала глубокая вмятина, а рядом лежали осколки фары, блестящие в свете фонаря, как рассыпанные бриллианты.

Двери «Гелендвагена» открылись. Все четыре.

Вышли трое. Крупные, коротко стриженные, в одинаковых чёрных куртках. Двигались неторопливо, как люди, которым некуда спешить, потому что спешат обычно от них. Последним вышел четвёртый. Невысокий, лет тридцати пяти, в дорогом сером пальто, с аккуратной бородкой и очень спокойными светлыми глазами. Он раскрыл над собой зонт, медленно обошёл машину и долго смотрел на вмятину. Так смотрят на испорченную картину в музее.

Даниэль вышел из Бабушки. Капли дождя сразу потекли за воротник.

— Простите, — сказал он. — Курьер выскочил, я ушёл от удара... Давайте вызовем ГАИ, оформим, у меня ОСАГО...

— ГАИ, — задумчиво повторил человек в пальто, будто пробовал на вкус незнакомое слово. — Нет. Гаишников мы не любим. И они нас, честно говоря, тоже.

Один из троих коротко хохотнул.

— Меня зовут Марат, — продолжил человек в пальто всё так же вежливо. — А ты, если не ошибаюсь, Даниэль. Из клуба Палыча. Я был на твоём бою в марте. Хороший левый боковой. Я тогда на тебя поставил и выиграл.

Даниэль почувствовал, как по спине, вместе с дождём, стекает холод.

— Так вот, Даниэль, — Марат кивнул на вмятину. — Это кузов, дверь, фара, крыло и, судя по звуку, подвеска. Плюс покраска, а покраска у этой машины особенная. Я человек не жадный и посчитаю тебе по-дружески. Четыре миллиона.

— Сколько?..

— Четыре миллиона рублей, — терпеливо повторил Марат. — Две недели. Это очень щедрый срок, поверь.

— У меня нет таких денег, — сказал Даниэль. Голос прозвучал хрипло и чуждо. — Даже близко нет.

— Ну, — Марат пожал плечами, — это пока. Люди удивительно быстро находят деньги, когда очень нужно. Ты парень сильный, способный. Что-нибудь придумаешь.

Он кивнул одному из своих. Тот подошёл, без спроса вынул из кармана куртки Даниэля права и сфотографировал на телефон. Потом сфотографировал номер Бабушки. Потом самого Даниэля, прямо в лицо, со вспышкой.

— Если вдруг решишь, что лучше уехать в деревню к бабушке, — Марат улыбнулся, глядя на «Мазду», — к другой бабушке, не к этой... то не надо. Мы знаем, где ты тренируешься. Где учишься. Где живёт твоя мама. Она ведь в шестьдесят седьмой больнице работает, да? В ночную смену?

Даниэль шагнул вперёд, не думая, и руки сами сжались в кулаки. Трое в чёрных куртках тоже шагнули, синхронно, как в плохом балете. У одного под расстёгнутой курткой тускло блеснуло что-то, что точно не было зажигалкой.

— Не надо, — мягко сказал Марат. — Ты хороший боксёр. Но нас четверо, и мы не боксируем по правилам. Палыч тебя этому не учил.

Он сел в искалеченный «Гелендваген». Двери захлопнулись. Машина медленно, словно с оскорблённым достоинством, тронулась и растворилась в дождливой темноте.

Даниэль остался стоять на пустой улице под фонарём. С разбитым бампером Бабушки, с мокрыми волосами, с поцелуем на губах, который всё ещё казался тёплым, и с долгом в четыре миллиона.

Он достал телефон. В банковском приложении светилось: 47 312 рублей. Это и был его будущий спортзал, все накопления за полтора года.

Отсутствовало, если быть точным, ещё три миллиона девятьсот пятьдесят две тысячи шестьсот восемьдесят восемь рублей.

Домой он добрался к трём. Бабушка ехала тяжело, с хрипом, как настоящая пожилая дама после тяжёлого дня. Мама была на смене. Даниэль сел на кухне, не включая свет, и долго смотрел в окно.

В 3:17 телефон завибрировал. Сообщение от Алисы:

«Ты доехал? Я волнуюсь. P.S. Мэри продержалась ровно четыре секунды. Спасибо за вечер. Кажется, я давно не была такой счастливой».

Он улыбнулся, впервые за последние часы. Начал печатать ответ.

Телефон завибрировал снова. Неизвестный номер. Без текста, только фотография.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.